

— Я наложу тебе мазь, — сказал Гу Хэн.

Он порылся в аптечке, достал необходимые средства и выставил их на журнальный столик перед диваном. Увидев, что самец действительно собирается лично заниматься его ранами, Хэ-эмис поспешил отказаться:

— Не стоит, господин. Кольцо подавления с руки снято, через пару дней всё заживёт.

Хэ-эмис говорил правду: именно наслоение нескольких колец сильно замедляло регенерацию его организма. Теперь же восстановление пойдет куда быстрее.

Гу Хэн нахмурился:

— Всё равно нужно нанести мазь.

В его понимании, если есть рана, её нужно лечить. Мягкий, но твердый голос господина не допускал возражений:

— Снимай одежду.

Лицо Хэ-эмиса обдало жаром. Хотя он понимал, что господин просто хочет помочь, сердце забилось чаще.

— Я сам справлюсь, господин.

Гу Хэн проигнорировал его слова. Хэ-эмис физически не мог самостоятельно обработать раны на спине.

— Быстрее.

Хэ-эмис повернулся спиной и снял верхнюю одежду. Его тело цвета мёда обнажилось, и перекрещивающиеся шрамы предстали перед глазами Гу Хэна. В душе последнего поднялось глухое раздражение: довести себя до такого состояния и даже не лечиться!

Гу Хэн сжал губы, подавляя эмоции, и молча принялся за дело. Прохладная мазь ложилась на кожу, и каждое прикосновение — то легкое, то более осязаемое — отдавалось в теле Хэ-эмиса. Он впервые в жизни проклял свою обостренную чувствительность: каждое мимолетное касание казалось невыносимо ярким.

Когда Гу Хэн перешел к плечам, его взгляд упал на покрасневшие кончики ушей Хэ-эмиса, и рука замерла. Он был так сосредоточен на лечении, что не задумывался о лишнем, но теперь,

спохватившись, почувствовал неловкость. Хэ-эмис заметил секундную заминку господина, но тот быстро взял себя в руки и продолжил.

Закончив со спиной, Гу Хэн обошел диван и оказался перед Хэ-эмисом. Фигура у того была безупречной. В первый день Гу Хэн не решался разглядывать его внимательно, но теперь, когда они были так близко, мощная и эстетичная грудь самца предстала перед ним во всей красе. Каждая мышца напоминала произведение искусства, созданное богом: идеальная симметрия, вызывающая чувство гармонии и восторга.

Гу Хэн сохранял невозмутимый вид, продолжая наносить средство, и лишь слегка дрожащие кончики пальцев выдавали его внутреннее волнение. Хэ-эмис заметил, как взгляд господина опустился ниже, к поясу. Гу Хэн поднял глаза, колеблясь, стоит ли просить Хэ-эмиса снять штаны, чтобы долечить раны, но самец опередил его:

— Спасибо, господин. Дальше я сам.

Гу Хэн протянул ему тюбик. Оба облегченно выдохнули.

— Если будет неудобно, зови, — сказал Гу Хэн, покидая комнату.

— Слушаюсь, господин.

Только когда шаги господина стихли, Хэ-эмис позволил себе расслабиться. Он посмотрел на флакон с мазью в руке — тот вдруг показался ему невероятно тяжелым.

Когда Хэ-эмис закончил с процедурами, за дверью послышался шум. Он нахмурился: кто бы это мог быть в такое время? За эти дни он успел заметить, что круг общения господина крайне узок. В дом почти никто не заглядывал, кроме сотрудников Ассоциации защиты сюн-чунов, которые приходили с плановыми проверками.

— Прошу прощения, господин Гу Хэн дома?

Открыв дверь, Хэ-эмис увидел самца, чей наряд выглядел безупречно. Хэ-эмис крепче сжал дверную ручку:

— Вы по какому вопросу?

— Можно ли увидеть господина? У меня есть личное дело, я хотел бы обсудить его с ним лично.

Вэйдодэ улыбнулся. Его рука, спрятанная за спиной, чуть шевельнулась, и Хэ-эмис отчетливо увидел цветы.

— Ждите.

Хэ-эмис не стал препятствовать, но, направляясь вглубь дома, не обернулся. Он сам не заметил, как его лицо похолодело. Самец, пришедший с цветами в дом к другому самцу — смысл этого жеста был очевиден.

— Господин? — Хэ-эмис постучал в дверь комнаты Гу Хэна.

— Войди.

Гу Хэн вопросительно посмотрел на него: Хэ-эмис приходил к нему сам по себе крайне редко.

— К вам пришли.

Хэ-эмис не осознавал, что его выражение лица сейчас выглядит неестественно. Гу Хэн, вспомнив недавний инцидент с Ассоциацией, решил, что Хэ-эмиса снова кто-то обидел, и поспешил к выходу. Его стремительный уход Хэ-эмис истолковал иначе. Он подумал, что господин наверняка хорошо знаком с гостем, и их отношения могут быть весьма близкими.

Взгляд Хэ-эмиса потускнел. Господин до сих пор не прикасался к нему. Похоже, он действительно не считает его достойным, раз даже не пользуется теми методами, которые обычно применяют к рабам-самцам. Хэ-эмис тешил себя призрачной надеждой, что господин относится к нему иначе, но, видимо, это было лишь его собственное заблуждение. Он остался стоять на месте, не последовав за ними: он знал, когда стоит отойти в сторону.

Гу Хэн вышел к двери и увидел незнакомца.

— Вы...

Он напряг память, но так и не вспомнил обладателя каштановых волос. Он уже собирался спросить, не ошибся ли тот адресом, как гость заговорил. При виде Гу Хэна в глазах того вспыхнула радость, и он ничуть не смутился от того, что господин его не узнал. Вэйдодэ отвесил изысканный поклон и протянул цветы:

— Я Вэйдодэ, господин. Мы встречались в больнице.

После этих слов Гу Хэн всё вспомнил. Это был врач из той самой больницы, где он очнулся после перемещения. Глядя на протянутый букет, Гу Хэн вежливо отказался:

— Цветы не нужно.

Визит самца с цветами заставил его насторожиться. Вэйдодэ, однако, настоял:

— Это в честь вашей успешной выписки, господин. Раньше не было возможности передать.

Гу Хэн не нашел причин для дальнейшего отказа. Он был прямолинеен: раз цветы не ярко-красные розы, а какие-то белые, названия которых он не знал, значит, он просто накручивает себя. Он ведь не какой-то аппетитный гамбургер, чтобы обладать такой притягательностью.

— Входите, присядьте.

Негоже держать гостя на пороге. Вэйдодэ был вне себя от счастья. Сидя на диване и глядя на господина, о котором грезил днями напролет, он не мог скрыть восхищения: тот был всё таким же утонченным и прекрасным.

— Мы с доктором Ли очень беспокоились о вашем состоянии, — участливо начал Вэйдодэ. — Вы не восстановили память?

Гу Хэн покачал головой. Разве он мог восстановить то, чего не было? Это была лишь ложь, придуманная им с самого начала.

— Ничего страшного, всему своё время. Когда-нибудь вы обязательно поправитесь.

Гу Хэн вежливо кивнул. Разговор шел вполне нормально, пока Вэйдодэ не перевел тему на его самцовых наложников.

— Господин, вы потеряли память. Рядом с вами только один раб-самец, как он может обеспечить вам должный уход? — Вэйдодэ поймал взгляд господина и прямо продолжил: — Я имею в виду, что вы можете найти себе еще одного наложника.

Под странным взглядом Гу Хэна Вэйдодэ застенчиво опустил голову:

— Как насчет меня? Подумайте обо мне, господин. Я буду хорошо заботиться о вас.

Гу Хэн неловко улыбнулся. Он еще не думал о том, чтобы заводить кого-то еще — он всё еще был приверженцем земного единобрачия.

— У меня нет духовной силы, вас это не смущает? — попытался найти причину для отказа Гу Хэн.

— Нисколько, господин. Я люблю вашу душу, — с чувством произнес Вэйдодэ.

Он не был военным самцом. Военные самцы при охоте на зверей нарушали магнитные поля, поэтому им требовалось направление духовной силы, но обычные самцы-а-чуны редко страдали от подобных всплесков. Аргумент Гу Хэна не сработал.

— Прошу прощения, но я пока не планирую заводить наложников, — отрезал Гу Хэн, решив, что честность будет лучше для всех.

— Ничего страшного, — Вэйдодэ выглядел расстроенным, но достал из кармана визитку. — Господин, это моя карточка. Пожалуйста, возьмите её.

<http://bllate.org/book/18581/1789149>